

Кудашкин Вячеслав Александрович, Шевченко Людмила Александровна

ЖЕНЩИНЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ.

На основании архивных, литературных источников и статистических данных рассмотрены особенности положения женщин Иркутской области в период реформ 1990-х гг. В рамках развития региона выявлены факторы, повлиявшие на социальное и экономическое положение женского населения Приангарья в обозначенный период.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10): в 3-х ч. Ч. II. С. 90-93. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/4-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 338:396(571)

На основании архивных, литературных источников и статистических данных рассмотрены особенности положения женщин Иркутской области в период реформ 1990-х гг. В рамках развития региона выявлены факторы, повлиявшие на социальное и экономическое положение женского населения Приангарья в обозначенный период.

Ключевые слова и фразы: социально-экономические реформы; уровень жизни; положение женщин; женское движение; гендерная асимметрия.

Вячеслав Александрович Кудашкин, к.и.н.

Людмила Александровна Шевченко

Кафедра истории

Братский государственный университет

Slava1982_@rambler.ru

ЖЕНЩИНЫ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 1990-Х ГГ. ©

Последнее десятилетие XX века в истории России характеризовалось системным кризисом общества. Происходившие в стране политические и экономические трансформации перестроечного периода со всей наглядностью проявились в Иркутской области. В условиях разрушения хозяйственных связей и развала потребительского рынка в ней, как и в других регионах, наблюдался спад промышленного производства. Его объем в 1995 г. составил 66% от уровня 1990 г. В наименьшей степени этот процесс затронул электроэнергетику, цветную металлургию и нефтехимию, в наибольшей - легкую, микробиологическую и фармацевтическую промышленность, где большинство работающих составляли женщины (см. Табл. 1).

Табл. 1.

Динамика спада промышленного производства в Иркутской области в 1990-1995 гг. (в процентах)

Отрасль промышленности	1991/1990	1992/1991	1993/1992	1994/1993	1995/1994	1995/1990
Электроэнергетика	96,3	97,2	96,6	92,7	102,5	88,1
Нефтедобывающая	96,0	90,9	86,2	94,1	100,0	70,8
Угольная	89,6	90,6	92,8	85,0	93,1	59,6
Черная металлургия	99,5	79,9	86,0	87,0	101,6	99,2
Цветная металлургия	93,4	100,9	108,1	95,8	101,6	99,2
Химическая	97,6	72,5	65,3	95,3	108,5	47,8
Машиностроение	102,1	89,2	64,9	61,5	89,3	32,4
Лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная	109,7	85,8	91,0	77,5	121,1	80,4
Строительных материалов	101,1	72,5	72,8	73,1	79,9	66,8
Стекольная и фарфорово-фаянсовая	105,2	103,7	97,5	76,6	62,0	66,8
Легкая	106,4	78,4	73,8	41,7	54,6	14,0
Пищевая	87,9	77,0	84,0	88,5	91,1	46,9
Микробиологическая	123,3	74,2	94,2	32,9	69,1	19,6
В целом	93,1	88,7	80,4	85,2	99,4	66,0

Составлена по данным Комитета госстатистики Иркутской обл. [10].

Вдвое, по сравнению с дореформенным периодом, уменьшились объемы выпуска продукции. В 1993 г. значительно снизились темпы прироста производства, особенно в Нижнеудинске (49,1%), Бодайбо (47,6%), Усть-Илимске (36%), Ангарске (35,8), Тайшете (34,9%), Черемхово (34,5%), Усолье-Сибирском (32,9%). Из 1744 предприятий области 313 получили убытки [8].

Прошедшая в 1990-х гг. приватизация промышленных предприятий обернулась борьбой финансово-промышленных групп за передел собственности в регионе. Новые собственники не спешили вкладывать деньги в сохранение и дальнейшее развитие производства и городских объектов жизнеобеспечения. Не на высоте

оказались и местные органы власти, не имевшие навыков поведения в кризисных ситуациях и административных рычагов воздействия на частный сектор, озабоченный исключительно получением прибыли [12].

К 1994 году на грани банкротства оказались 311 предприятий Иркутской области, которые были вынуждены закрывать цеха, сдавать в аренду производственные площади, увольнять работников или отправлять их в бессрочные отпуска. Особенно тяжелая ситуация сложилась там, где предприятия являлись градообразующими, - в Ангарске, Саянске, Усолье-Сибирском, Братске, Усть-Илимске.

Рост социальной дифференциации происходил на фоне падения реальных доходов населения. В 1992-1995 гг. средняя реальная заработная плата россиянина снизилась в три раза, средний денежный доход - в два. Эти процессы сопровождались беспрецедентным ростом неплатежей по заработной плате, пенсиям и социальным пособиям. По данным Института социально-экономических проблем народонаселения, в 1991 г. в России насчитывалось 36 млн. граждан, живущих ниже черты бедности [3].

Происходившие интенсивные изменения в структуре занятости привели к повышению концентрации женщин в отраслях с низкой заработной платой и сокращению их удельного веса в сферах хозяйственной деятельности с более высоким уровнем оплаты труда (банковское дело, нефтяная и газодобывающая отрасли и др.). В 1995 году наименьшая заработная плата - 360 руб. - была зафиксирована в текстильной, швейной и обувной промышленности региона, где заняты женщины, наибольшая - в мужской отрасли - на металлургическом производстве - 1632,1 руб. [4].

В то же время доля женщин, занятых в экономике области, в 2000 г. достигала 51-52%. Причем большинство из них были заняты в низкооплачиваемых отраслях: образовании (82,3%), здравоохранении (85,6%), культуре (75,7%), науке (58%), связи (67,7%), торговле, общепите (75,6%).

Женщины зарабатывали в среднем на 39% меньше, чем мужчины, а в организациях, осуществлявших общую коммерческую деятельность, - в 2,5 раза. Зарплата в отрасли «связь» составляла 56% от зарплаты мужчины, в проектных организациях - 59%, в научных учреждениях - 60% [13].

Горизонтальная (межотраслевая) сегрегация по признаку пола дополнялась вертикальной (внутриотраслевой): женщинам выплачивалась меньшая, чем мужчинам, заработная плата практически во всех отраслях экономики. Параллельно с усилением профессиональной сегрегации развивался процесс вытеснения женщин из общественного производства. При равных исходных данных предпочтение на рынке труда отдавалось мужчинам. Отчетливо проявилась гендерная асимметрия в сфере предпринимательства, особенно крупного бизнеса, финансово-промышленной элиты, где женщин практически не было, что связано в основном с их неравными стартовыми условиями.

Независимо от квалификации и опыта работы в компании, женщины, как правило, являлись первыми кандидатами на сокращение. «Особые правила» действовали по отношению к женщинам, имеющим малолетних детей. Их старались не брать на работу, поскольку не желали иметь работника, который будет нуждаться в частых отлучках по уходу за ребенком. При увольнении также отдавалось предпочтение мужчине - «кормильцу семьи». В то время как в России женщина всегда испытывала двойную нагрузку, одновременно осуществляя производственную деятельность и выполняя домашние обязанности.

На женщинах в основном сказались издержки, связанные с пересмотром прежней политики социального обеспечения. Предприятия, ранее бравшие на себя заботу об обеспечении детей своих работников детскими дошкольными учреждениями, о медицинском обслуживании, содержании пионерских лагерей, выплате пособий по беременности, родам и прочих, отказались от этой нагрузки. В результате произошло массовое закрытие детских дошкольных учреждений, а также резкое повышение стоимости их услуг. По официальным данным, число мест в дошкольных учреждениях Иркутской области сократилось на 40% [1]. Тяжелое состояние здравоохранения в регионе, прежде всего, сказалось на женщинах, как связанное с детьми и их будущим.

Область находилась в группе регионов-лидеров по уровню цен на потребительском рынке. Так, Иркутск многократно входил в десятку городов страны с максимальной стоимостью набора основных продуктов питания. Потребительские цены на товары и услуги в 1993 г. выросли в 11,3, в 1994 - в 2,7 раза [9]. Начиная с 1995 г. начал стремительно падать уровень жизни населения региона. Так, в 1996 г. реальные доходы жителей Приангарья составили 92%, в 1997 г. - 97%, в 1998 г. - 85%, в 1989 г. - 78%, в 2000 г. - 82% к уровню 1985 г. [11].

Сокращение объемов производства сопровождалось ростом безработицы и увеличением конкуренции на рынке труда. Так, на 1 января 2001 г. в областном центре занятости состояли на учете 24 124 безработных, из них 16 617 женщин и 7 507 мужчин, т.е. женщин в 2,2 раза больше. Армию безработных в основном пополняли женщины, уволенные по сокращению штатов. В то время как в последнее десятилетие XX в. численность женщин в Иркутской области превышала число мужского населения. В 1990 году она составляла 51,5%, в 1995 - 52,1%, в 2000 - 52,7% от общего числа жителей Иркутской области [10].

При этом образовательный уровень женщин региона, начиная с 1970 года, превышал уровень образованности мужчин. В 1979 году высшее образование имели 6% мужчин и 6,6% женщин, среднее специальное - 9,9% и 14,2%, среднее - 19,5% и 20,8% соответственно.

Столь же наглядно проявлялось неравенство женщин и мужчин в политической области, представительстве женщин на руководящих должностях в структурах органов власти. Так, депутатами Законодательного Собрания Иркутской области I созыва (1994-1996 гг.) были избраны 4 женщины (8,9%), II созыва (1996-2000 гг.) - всего одна (2,2%).

Уровень представленности женщин в исполнительных органах власти был немногим выше. Среди чиновников регионального уровня, замещавших муниципальные должности категории «А», на 1 января 1999 г.

насчитывалось 30 мужчин и 5 женщин, категории «Б» - 132 мужчины и 69 женщин [7]. Не велика была доля женщин и на руководящих постах в различных отраслях хозяйственной деятельности Иркутской области. Среди 37 глав администраций городов и районов области было 4 женщины: Л. Ф. Корнейчук (Слюдянский р-н), Н. И. Суворова (Усольский р-н), Г. Е. Головченко (Катангский р-н), Т. Ф. Колесова (г. Бирюсинск Тайшетского р-на). Вместе с тем в 24-х территориальных образованиях области (65%) заместителями глав администраций работали женщины [6].

Табл. 2.

Уровень занятости и безработицы в Иркутской области (в процентах)

Год	Количество занятых в экономике		Число безработных	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1992	75,7	62,9	4,4	4,8
1993	73,0	59,9	5,7	6,8
1994	67,8	55,6	7,9	8,7
1995	68,2	53,6	7,3	10,8
1996	66,9	52,2	10,7	11,9
1997	60,3	48,1	13,0	16,0
1998	58,2	46,3	13,2	14,3
1999	60,2	49,2	13,9	16,3
2000	65,2	52,3	11,1	12,3

Составлена по данным отдела госстатистики Иркутской обл. [11].

Изменение структуры собственности, спад производства, безработица, рост цен на продукты питания, товары первой необходимости, несвоевременная выплата зарплаты ухудшали материальное положение населения области, вызвали рост социальной напряженности. Эти проявления особенно отразились на женщине, послужив причинами усиления женской активности в регионе. Одним из первых признаков такой активности стало развитие женского движения. Эта тенденция проявилась через общественные организации, которых в регионе на 1 января 2001 года было зарегистрировано более 200. Наряду с традиционными женскими организациями (женсоветы, общества многодетных семей, комитеты солдатских матерей) в регионе начали действовать новые формирования так называемого третьего сектора - некоммерческие организации.

В 1992 г. инициативная группа женщин приняла решение о создании Байкальского регионального союза женщин «Ангара», объединившего под своим началом около 30 женских организаций региона. В марте 1995 г. БРСЖА официально зарегистрировался как самостоятельная неправительственная, некоммерческая организация и действует до настоящего времени.

Таким образом, положение женского населения Иркутской области в 1990-е гг. претерпело резкие изменения. В результате социально-экономических реформ ухудшилось материальное положение женщин: снизились доходы от трудовой деятельности, уменьшился объем социальных выплат, выросла безработица. Усилилось неравенство женщин в экономической и политической сферах: снизилось их представительство в руководящих структурах экономики, в органах власти всех уровней. Эта ситуация вызвала недовольство женской части населения Приангарья, которое выразилось в развитии общественного движения, в частности в появлении новых женских формирований - некоммерческих организаций, противопоставивших себя традиционным.

Список литературы

1. В Законодательном Собрании состоялись общественные слушания по ситуации с детскими садами // Парламентский вестник. 2010. 1 октября.
2. Женщина в современной экономике // Гендер и общество. 1992. № 1. С. 14.
3. Заславская Т. И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 5-19.
4. Иркутская область: 70 лет: стат. сб.: юбилейное изд. Иркутск, 2007. С. 83.
5. Ножиков Ю. О политико-правовом и социально-экономическом положении области и задачах органов власти в 1995 г.: послание губернатора Иркутской области // Вост.-Сиб. правда. 1995. 17 марта.
6. О реализации регионального плана действий по улучшению положения женщин и повышению их роли в обществе до 2000 г.: справка // Текущий арх. обл. совета женщин.
7. О численности и состоянии рабочих органов госвласти на 1 января 1999 г.: стат. сб. Иркутск, 1999. С. 25-26.
8. Показатели социально-экономического развития Иркутской области в 1993 г.: стат. сб. Иркутск, 1994. С. 95-134.
9. Промышленность Иркутской области за 1990-1995 гг.: стат. сб. Иркутск, 1994. С. 13.
10. Структура населения Иркутской области (1990-2000 г.): труд и занятость в Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2007. С. 8.
11. Уровень жизни населения Иркутской области: стат. сб. Иркутск, 2002. С. 37.
12. Цыкунов Г. А. Депрессивные территории Приангарья: откуда они пошли и куда они идут // Иркут. историко-экон. ежегодник. Иркутск, 2008. С. 105.

13. Широбокова А. А. Опыт работы Байкальского регионального Союза женщин «Ангара» по лоббированию женских интересов в регионе [Электронный ресурс] // Права женщин в России: законодательство и практика: электрон. журн. 2002. № 1 (13). URL: http://www.womnet.ru/prava/2002/nomer_13/opyt.htm (дата обращения: 30.07.2009).

WOMEN OF IRKUTSK REGION UNDER THE CONDITIONS OF SOCIAL-ECONOMIC REFORMS OF THE 1990S

Vyacheslav Aleksandrovich Kudashkin, Ph. D. in History

Lyudmila Aleksandrovna Shevchenko

Department of History

Bratsk State University

Slava1982_@rambler.ru

The authors consider the peculiarities of women position in Irkutsk region during the reforms of the 1990s on the basis of archival and literary sources and statistical data and reveal the factors which influenced the social and economic position of Priangar'e women population during the above mentioned period within the limits of the region development.

Key words and phrases: social-economic reforms; life level; women position; women movement; gender asymmetry.

УДК 1

В статье рассматривается проблема становления манипуляции как ведущего способа социального воздействия среди альтернативных форм отношений, таких как насилие и диалог. Анализируются основания, возможности и взаимосвязь этих форм в качестве ведущих способов социального воздействия, а также их связь с процессами и явлениями, возникающими в современном обществе.

Ключевые слова и фразы: социальное воздействие; насилие; манипуляция; диалог.

Александр Викторович Кузин

Кафедра философии

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого

swott@ya.ru

МАНИПУЛЯЦИЯ КАК ВЕДУЩИЙ СПОСОБ СОЦИАЛЬНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ[©]

Гуманистическая позиция по отношению к изучению проблемы манипуляции сыграла не лучшую роль в деле освоения этого явления научным сообществом. Научная мысль концентрировалась на отношениях личности и манипуляции, на негативных её следствиях и влияниях, часто игнорируя и упуская из виду то, что манипуляция является закономерным и необходимым феноменом социальной жизни. Манипуляционные формы коммуникаций обусловлены рядом веских предпосылок и оснований в своей актуализации, формируют облик современного общества.

В своем большинстве предшествующая научная мысль фиксировала пагубное отношение манипуляции к личности, тем самым исходя только из антропологической составляющей проблемы. Как правило, исследователи просто ещё раз фиксировали то, что личность при манипуляции деформируется и попадает под пагубное влияние в ходе манипуляции. Исходя из этого, они предлагают ряд способов и методик по устранению манипуляционного влияния. В основе данного подхода лежат следующие основания: 1) как правило, манипуляцию рассматривают априори как деструктивный феномен социальной жизни, не исследуются её социальные предпосылки и функции; 2) во многих исследованиях (особенно политологического толка) проблема манипуляции носит достаточно локальный характер, как проблема изменяемого политического мировоззрения. Мы подходим к проблеме манипуляции с несколько иных позиций. Не отрицая и не нивелируя всего предшествующего изучения проблемы манипуляции и вклада именно в изучение негативных следствий, мы рассматриваем проблему с позиции её социальной роли и значения именно для общества в целом.

Для понимания той роли, которую играет манипуляция в современном обществе, для того чтобы не строить иллюзий и не поддаваться распространённому мнению о негативном характере манипуляции, её неприемлемости и вредности, мы рассмотрим возможные альтернативы социальных воздействий, расчертим их различия и особенности, проведем их сравнение и укажем на те стороны, которые важны для понимания и признания манипуляции как ведущего и адекватного способа управления в современном обществе.

Вопрос о возможных альтернативах манипуляции мы рассматриваем в связи с другими способами социального воздействия. Так, выделяются три основные модели воздействия: реактивная модель, акциональная модель и личностный или интересубъективный подход [4].

Реактивная модель рассматривает человека как пассивный объект различных воздействий. В рамках этой модели воздействие осуществляется в виде контроля поведения и установок человека, которые подкрепляются